

UDC 94«1914/1918» (292.5)

**The Siberians in Voluntary Associations Brought to Life
by the Needs of the First World War***

Tatiana A. Kattsina

Siberian Federal University, Russian Federation
6660075 Krasnoyarsk, Maerchaka St., 6
PhD, Associate Professor
E-mail: katsina@list.ru

Abstract. Based on little-known sources and previously unknown archive documents, this article studies the influence of the First World War on the development of social initiatives in Siberia. The author concludes that in the wartime period the degree and character of people's involvement into the work of charitable societies underwent positive quantitative and qualitative changes. The number and activity of voluntary social associations are seen as a qualitative factor of the civil society.

Keywords: Siberia; the First World War; people in need; victims of the war; voluntary social associations; social organizations; human resources; civil society.

Введение. Война всегда сопровождается нарушениями трудового уклада жизни и деформацией быта людей, распадом семейных связей; меняет образ мыслей, поведение и стратегии выживания большинства населения на театре военных действий и в глубоком тылу, многократно увеличивает число нуждающихся в помощи. Именно в годы Первой мировой войны утвердилось представление, что социальная помощь гражданам, впавшим в нужду – обязанность государства и общества. Для оказания помощи жертвам войны по всей стране создавались разнообразные организации. Их деятельность с точки зрения социальных потребностей и интересов общества изучена пока недостаточно, прежде всего, в силу своей обширности и многоплановости. Между тем вопрос о присутствии институтов гражданского общества в политической системе дореволюционной России и уровне их зрелости принадлежит в исторической науке к числу наиболее дискуссионных. Зарубежные (J. Bradley, A. Lindenmeyr, M. Hildermayer) и российские (Б.Н. Миронов, А.С. Туманова, Г.Н. Ульянова) историки предлагают считать именно неполитические общества моделью самоорганизации, в рамках которой развивалась культура общественного действия и достигалось общественное согласие.

Концепции гражданского общества и публичной сферы служат не только аналитическими категориями при изучении формирования индивидуальной и групповой идентичности, взаимоотношений между государством и индивидом и др., но занимают центральное место в поисках причин провала либеральной альтернативы революции в России. В годы Первой мировой войны усиление оппозиционных общественных организаций – Всероссийского земского союза (ВЗС) и Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам (ВСП), – представляло большую опасность для существующего режима, но замены им фактически не было, – считает Л.А. Булгакова. «Будучи оплотом либеральной оппозиции, общественные организации приблизили смертный час монархии» [1].

Вклад в научную разработку темы помощи общественности фронту и пострадавшим от военных действий внесли сибирские историки Ю.П. Горелов [2] и А.В. Полуаршинов [3]. В рамках нового исследовательского подхода, отвергающего бинарную оппозицию «власть – общество» более основательно рассмотрел российский общественный опыт периода Первой мировой войны И.П. Павлова [4], на материалах Петрограда – А.Н. Грицаева [5]. Ценные сведения о финансировании Земского и Городского союзов царским правительством приведены в дискуссионной статье С.В. Куликова [6]. Он объясняет щедрое субсидирование этих союзов в ущерб казенным учреждениям и проправительственным организациям позицией правящей элиты во главе с императором, готовой идти на компромисс во имя «священного единения».

Разумеется, в краткой статье невозможно осуществить разносторонний анализ такого сложного политического, социального и духовного явления как общественные организации. Ограничимся решением трех взаимосвязанных и малоисследованных задач: 1) на материалах сибирского тыла представить влияние Первой мировой войны на развитие общественной инициативы; 2) классифицировать общественные организации, деятельность которых была связана с оказанием разнообразной помощи жертвам войны; 3) раскрыть человеческий ресурс этих организаций.

Материалы и методы. Реализация авторского замысла представляется возможной на основе переосмысления уже известных и привлечения новых материалов. Использовались законодательные акты, характеризующие правовое положение общественных организаций; информационно-справочные

* The work is carried out with a financial support of Russian Humanist Scientific Foundation according to the project "Social Care in East Siberia in the Conditions of Wars in the Beginning of the XX Century" No. 13–11–24002.

(отчеты, обзоры, очерки) и организационные (уставы, положения, инструкции) документы общественных организаций, извлеченные из архивных, музейных и библиотечных хранилищ. Важное место в арсенале источников заняла газетно-журнальная периодика, касавшаяся деятельности общественных организаций в самых различных ее аспектах, реакции на нее сибирского общества и т. п.

В работе применены методы: описательный, сравнительно-исторический, причинно-следственного анализа, синхронного анализа, метод классификации. Уточним, что в дореволюционной литературе для обозначения общественных организаций использовались термины «общества», «ассоциации», «частные общества», «общества частной инициативы». В 1906 г. Указ о временных правилах об обществах и союзах [7] провозгласил важным признаком общественных организаций отсутствие у них коммерческих целей, неформальный, добровольный характер, направленность на удовлетворение «частных» интересов и потребностей в социальной, научной, культурной и т. д. сферах; вводил явочную процедуру открытия обществ, административный порядок их регистрации, запрещения и закрытия.

Другой ключевой термин нашего исследования – «жертвы войны» (пострадавшие от военных действий) – мы применяем к лицам, не принимавшим непосредственного участия в вооруженном конфликте (беженцы и выселенцы, семьи раненых и погибших воинов, жены, вдовы и круглые сироты воинских чинов) или прекратившим такое участие в определенный момент (раненые и больные воины, военнопленные).

И наконец, под человеческими ресурсами будем понимать количество людей, их компетенции и опыт, позволяющие обеспечить работу организации для достижения ее основных целей.

Обсуждение. Патриотический подъем начального периода Первой мировой войны был значительным и проявился, в том числе в росте числа и количества видов общественных организаций. Война, писали современники, «вызвала к жизни грандиозный процесс общественного строительства» [8], не было «...города или местечка, где не работала бы та или иная организация» [9]. Только в 1914 г. прирост общественных ассоциаций за счет возобновивших свою работу или созданных вновь для помощи жертвам войны, составил 22 % в Красноярске и 41 % в Томске [10]. С августа по октябрь 1914 г. в Иркутской губернии было учреждено 66 комитетов и волостных попечительств Комитета ее Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц призванных на войну (Елизаветинский комитет) [11]. В августе 1915 г. Енисейское губернское отделение этого же комитета сообщало: «В настоящее время во всех городах открыты и функционируют Уездные Комиссии и включены в сеть Отделения и объединены в общей с ним деятельности свыше 100 мелких благотворительных организаций в различных местностях губернии, не исключая самых далеких ее окраин (Усинский округ и Туруханский край)» [12].

Организации, ориентированные на удовлетворение нужд военного время, имели разнообразные названия, в ряде которых отражалось определенное направление оказываемой помощи или категория нуждающихся, иногда сословный или профессиональный статус учредителей: «Томское Общество по устройству лекций на нужды, вызванные военным временем»; «Бийское Общество по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну в мобилизацию 1914 г.»; «Ачинский уездный комитет помощи беженцам»; «Усть-Кутский волостной благотворительный Комитет по оказанию помощи семьям запасных нижних чинов и ратников ополчения, призванных на войну»; «Барнаульский Отдел общества вспомоществования бедным семействам поляков, участвующих в войне и бедствующему польскому населению, пострадавшему от военных действий»; «Дамский академический кружок высших учебных заведений гор. Томска, имеющий целью изготовление белья и других вещей для больных, раненых и нуждающихся воинов»; «Бийский Кружок дам духовного звания для оказания помощи раненым воинам и их семьям»; «Комитет помощи семьям призванных на войну служащих и рабочих Богомдарованной группы приисков рудника Российского золотопромышленного общества»; «Сибирское общество помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от военных действий» (Сибиртет); «Иркутский еврейский комитет помощи беженцам», «Иркутский отдел Латышского общества вспомоществования "Дзимтене" ("Родина")» и т. п.

С некоторой долей условности можно классифицировать эти ассоциации: 1) по масштабу (всероссийские, региональные, местные); 2) по целевым параметрам (категориям жертв войны); 3) по национальности: национальные (еврейские, польские, латышские, литовские), межнациональные. Однако следует учитывать, что цели и задачи отдельных ассоциаций могли меняться, адаптируясь к запросам населения в связи с нуждами военного времени. Например, Еврейское общество по охранению здоровья евреев (гор. Иркутск) «силой событий превратилось с половины августа в Еврейский комитет помощи беженцам» [13]. Напротив, почти 75 % средств, которыми располагали отделы Сибиртета, направлялись на нужды передовых позиций. Даже когда раненых стали эвакуировать в Сибирь и потребовалось устройство питательных пунктов, отделы общества предпочли не менять свои приоритеты. Ново-Николаевский отдел заявил, что он скорее согласится на закрытие питательного пункта, чем откажется от помощи своему отряду, находящемуся на фронте [14].

Сами современники делили ассоциации на общественные и бюрократические. К общественным организациям причисляли собственно добровольные ассоциации, благотворительные комитеты и попечительства при органах местного самоуправления, церковных приходах; к бюрократическим – Российское общество Красного Креста (и при нем Дамские комитеты), именные благотворительные общества (Комитет великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи

пострадавшим от военных действий, Елизаветинский комитет и т.д.). И если одни подчеркивали «стройную организацию бюрократических комитетов» [15], то другие оценивали работу именных комитетов как «не достигающую своей цели», влекущую лишь «непроизводительную трату народных средств» [16]. Нам импонирует мнение И.П. Павловой, о том, что в годы войны такие комитеты способствовали проявлению частной инициативы, ее упорядочиванию. Так к середине 1915 г. в структуру Елизаветинского комитета вошло 85 губернских отделений, 505 уездных комиссий, объединяющих более четырех тысяч заведений, а к середине 1916 г. их число возросло до шести тысяч [17]. Уездные комиссии являлись объединяющими центрами для мелких благотворительных организаций сел и деревень; безусловно, отдельные из них проявляли интенсивную и «образцовую деятельность» (Ачинский уездный комитет), другие – оказывались «не на высоте положения» (Канская уездная комиссия) [18]. Многое здесь зависело от личных качеств членов правления, их социального опыта, общественного восприятия организации, финансовой устойчивости.

Практикуемые ассоциациями средства и формы, организация процесса оказания и получения помощи, позволяли направить ресурсы адресно, т. е. исключительно тем, кто в ней нуждался. Так, учитывая, что горожане непосредственным своим производством не обслуживали личные потребности и находились в гораздо большей зависимости от рынка, чем крестьяне, акцент был смещен на обеспечение нуждающихся продовольствием, топливом, жильем, одеждой и обувью, устройством детей в учебные заведения. В сельской местности преобладали традиционные «кормление по домам», помощь в посевных и уборочных кампаниях, реже практиковались денежные ссуды, устройство приютов дневного пребывания («яслей») для детей [19; 20].

Стремясь обеспечить жизнеспособность общества, инициативные группы и распорядительные комитеты старались привлечь людей, способных укрепить авторитет, популярность и финансовую стабильность общества. Для формирования отделов Сибиртета были специально командированы в Западную Сибирь – Ефим Лукьянович Зубашев, в Восточную – Степан Васильевич Востротин. Оба имели значительный опыт общественной и государственной деятельности, Востротин – еще и благотворительной. Не эффективным оказался способ, используемый Сибиртетом: членский взнос в 10 рублей оказалась чрезмерно большим, особенно для сельских жителей. Отчасти поэтому компенсировать дефекты сибирского общественного устройства, обусловленные отсутствием земских учреждений, создать широкую сеть мелких «ячеек общественности» на селе Сибиртету не удалось [21].

Ассоциации чаще возникали в результате творческой активности населения, его рядовых, низовых слоев. В крупных городах, где имелись многочисленная общественность и материальные средства, численный состав обществ был выше. Так, из местных отделов Сибиртета в Енисейской губернии самым многолюдным был Красноярский (161 чел.), за ним следовали Ачинский (56 чел.), Енисейский (46 чел.), Минусинский (20 чел.) [22]. Личный состав Иркутского отдела ВСГ включал 440 чел., Канского – 22 [23]. Работу Красноярского комитета помощи беженцам обеспечивали 40 платных служащих и 308 добровольцев, включая самих беженцев [24], Ачинского – 43 чел. [25].

Разнообразен был социально-профессиональный состав обществ. Например, в Курагинский комитет Красного Креста (Енисейская губерния) входили гражданские чиновники и их жены, учителя, священнослужители, крестьяне (в большинстве), фельдшер [26]. Отдел Сибиртета в селе Таштыпском был сформирован из крестьян (3 чел.), казаков (3 чел.), потомственного дворянина, учителя сельской школы, отставного старшего унтер-офицера, инородца [27]. Под руководством епархиального начальства функционировало Енисейское губернское отделение Елизаветинского комитета, в правлении которого принимали участие уездные воинский и крестьянский начальники, священник, инженеры, мировые судьи, врачи, представители торгового класса [28].

Некоторые горожане состояли сразу в трех и более благотворительных обществах. Показателен пример Анны Александровны Абакумовой (в замужестве Кусковой), которая одновременно была председателем старейшего в Красноярске Синельниковского общества благотворителей и попечителей сирот, заведовала материальной частью Дамского комитета Красного Креста и квартирной секцией Комитета помощи беженцам, входила в состав местного комитета ВСГ и организованный при нем Дамский комитет. Такие яркие личности составляли неформальный пласт культурной элиты, оказывающей положительное воздействие на окружающих. В то же время приведенный пример может свидетельствовать и о недостатке творческой интеллигенции.

Значение приобретала деятельность женщин в благотворительных объединениях – Дамских комитетах и Дамских кружках, хотя она и получала самые противоречивые оценки. В Восточной Сибири в целом, такие объединения послужили для появления на арене общественной деятельности довольно узкого круга (личный состав дамских комитетов, как правило, был от 12 до 25 чел.) женского населения из высших и частично средних городских слоев.

Заключение. В годы Первой мировой войны уровень и характер вовлечения населения в работу благотворительных обществ претерпел положительные количественные и качественные изменения. В начальный этап войны увеличилось не только число общественных организаций, но и совокупное количество людей, втянутых в сферу филантропии. Это было особенно значимо для Сибири, с ее большим территориальным пространством, низкой плотностью населения, большим этническим и социальным разнообразием, отсутствием земства, объединяющего в Европейской России передовую часть общества. Сибирские города, расположенные на больших расстояниях друг от друга, имели более слабые

возможности, чем в Европейской России, для консолидации общественных сил. Следует учитывать и удаленность края от театра военных действий, а также слабое развитие грамотности населения, которые создавали неблагоприятные условия для «живого сотрудничества в общем деле, для образования потребности в жертвах для него». Деятельность представителей различных социальных групп определялась солидарностью, нравственными и гражданскими потребностями, мировоззренческими установками, связанными с представлениями о расширении помощи пострадавшим от военных действий.

Сеть общественных организаций формировалась в зависимости от целей (категорий жертв войны), источников финансовых ресурсов с учетом в каждом данном случае конкретных условий, особенностей экономической, социокультурной среды. Более развитые экономически территории, с благоприятными природно-климатическими условиями потенциально могли генерировать более высокий уровень социальной помощи. В глухих деревушках, лежавших вдали от трактов и промышленных центров, каких было больше в Восточной Сибири, общественные организации значительно расширяли доступность социальной помощи, и в целом, способствовали улучшению социального климата в сибирском крае.

Формируемые общенациональными интересами военного времени, социальными проблемами и потребностями отдельных граждан, добровольные общественные ассоциации аккумулировали в себе инициативу, знания, опыт людей, соединение которых становилось значительной коллективной силой, способной привести к эффективным общественным действиям.

Примечания:

1. Булгакова Л.А. Предисловие // Благотворительность в истории России : Новые документы и исследования. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 12.
2. Горелов Ю.П. Вклад сибиряков в защиту отечества в войнах начала XX века: автореф. дис. ... доктора ист. наук: 07.00.02. Кемерово, 2004. 37 с.
3. Полуаршинов А.В. Помощь общественных организаций и населения Западной Сибири фронту и пострадавшим от войны: Июль 1914 – февраль 1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Омск, 2005. 27 с.
4. Павлова И.П. Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны: монография. Краснояр. гос. аграр. ун-т; Красноярск, 2003. 152 с.
5. Грицаева А.Н. Благотворительность в России в годы Первой мировой войны (1914– февраль 1917 г.): опыт помощи пострадавшим от военных действий: автореф. дис. ... кандидата ист. наук: 07.00.02. М., 2008. 17 с.
6. Куликов С.В. Финансовые аспекты деятельности российских благотворительных организаций военного времени (июль 1914 – февраль 1917 г.) // Благотворительность в истории России : Новые документы и исследования. СПб. : Нестор-История, 2008. С. 369–396.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. XXVI. Отд. 1-е. № 27479. Ст.1. СПб., 1909. С. 201–204.
8. Файнгар И.М. Мобилизация нашей частной благотворительности во время войны // Призрение и благотворительность в России. 1915. № 3-4. С. 144-145.
9. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 132. Оп. 1. Д. 2. Л. 61.
10. Подсчитано по: Статистический обзор Енисейской губернии за 1913 г. Красноярск, 1914. С. 70–71; Статистический обзор Енисейской губернии за 1914 г. Красноярск, 1915. С. 72-73; Памятная книжка Томской губернии на 1915 г. Томск, 1914. С. 134-151.
11. Государственный архив Иркутской области. Ф. 120. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.
12. Вестник Приенисейского края. Красноярск, 1915. № 3. С. 8.
13. Протокол совещания по вопросам призрения беженцев, состоявшегося 21–23 ноября 1915 г. в Иркутске. Иркутск: Электротипография И. А. Белоголового, 1916. С. 18.
14. Отчет о деятельности Сибирского общества помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны. Первый год. С 1-го октября 1914 г. по 1-е октября 1915 г. Пг.: Типография «Виктория», 1916. С. 60-61.
15. Вестник Приенисейского края. Красноярск, 1915. № 1. С. 25.
16. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6787. Оп. 1. Д. 102.
17. Павлова И.П. Указ. соч. С. 48.
18. Вестник Приенисейского края. Красноярск, 1915. № 3. С. 10.
19. ГАКК. Ф. 595. Оп. 13. Д. 323. Л. 10; 11; 15; 16; 32 об.
20. ГАКК. Ф. 132. Оп. 1. Д. 3. Л. 82; 90; 104 об.
21. Катцина Т.А. Под девизом: «Вся Сибирь идет!» (Сибирское общество помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от военных действий) // Сборник тезисов Сибирского исторического форума «Сибирь в войнах начала XX века». Красноярск, 3–6 декабря 2013 г. Красноярск, 2013. С. 142.
22. Отчет о деятельности Сибирского общества помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны. Указ. соч. С. 57.
23. Подсчитано по: Личный состав учреждений Всероссийского Союза Городов. Выпуск II. Областные и городские комитеты. М.: Городская типография, 1916. С.33–36; 39.
24. Катцина Т.А. Общественная инициатива сибиряков в годы Первой мировой войны // Ученые записки Московского государственного социального университета. Научно-теоретический журнал. 2002. № 1 (27). С. 141.
25. Муниципальное учреждение «Архив гор. Ачинска». Ф. 17. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.
26. Енисейские губернские ведомости. 1915. 3 февраля.
27. Вестник Приенисейского края. 1916. № 5–2. С. 26.
28. Вестник Приенисейского края. 1915. № 3. С. 7.

References:

1. Bulgakova L.A. Predislovie // Blagotvoritel'nost' v istorii Rossii : Novye dokumenty i issledovaniya. SPb.: Nestor-Istoriya, 2008. S. 12.

2. Gorelov Yu.P. Vklad sibiryakov v zashchitu otechestva v voynakh nachala XX veka: avtoref. dis. ... doktora ist. nauk: 07.00.02. Kemerovo, 2004. 37 s.
3. Poluarshinov A.V. Pomoshch' obshchestvennykh organizatsii i naseleniya Zapadnoi Sibiri frontu i postradavshim ot voiny: Iyul' 1914 – fevral' 1917 gg.: avtoref. dis. ... kandidata ist.nauk : 07.00.02. Omsk , 2005. 27 s.
4. Pavlova I.P. Sotsial'noe popechenie v Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny: monografiya. Krasnoyar. gos. agrar. un-t; Krasnoyarsk, 2003. 152 s.
5. Gritsaeva A.N. Blagotvoritel'nost' v Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny (1914– fevral' 1917 g.): opyt pomoshchi postradavshim ot voennykh deistvii: avtoref. dis. ... kandidata ist. nauk: 07.00.02. M., 2008. 17 s.
6. Kulikov S.V. Finansovye aspekty deyatel'nosti rossiiskikh blagotvoritel'nykh organizatsii voennogo vremeni (iyul' 1914 – fevral' 1917 g.) // Blagotvoritel'nost' v istorii Rossii : Novye dokumenty i issledovaniya. SPb. : Nestor-Istoriya, 2008. S. 369–396.
7. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 3-e. T. XXVI. Otd. 1-e. № 27479. St.1. SPb., 1909. S. 201–204.
8. Faingar I.M. Mobilizatsiya nashei chastnoi blagotvoritel'nosti vo vremya voiny // Prizrenie i blagotvoritel'nost' v Rossii. 1915. № 3-4. S. 144-145.
9. Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia (GAKK). F. 132. Op. 1. D. 2. L. 61.
10. Podschitano po: Statisticheskii obzor Eniseiskoi gubernii za 1913 g. Krasnoyarsk, 1914. S. 70–71; Statisticheskii obzor Eniseiskoi gubernii za 1914 g. Krasnoyarsk, 1915. S. 72-73; Pamyatnaya knizhka Tomskoi gubernii na 1915 g. Tomsk, 1914. S. 134-151.
11. Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti. F. 120. Op. 1. D. 3. L. 2.
12. Vestnik Prieniseiskogo kraia. Krasnoyarsk, 1915. № 3. S. 8.
13. Protokol soveshchaniya po voprosam prizreniya bezhentsev, sostoyavshegosya 21–23 noyabrya 1915 g. v Irkutsk. Irkutsk: Elektrotipografiya I. A. Belogolovogo, 1916. S. 18.
14. Otchet o deyatel'nosti Sibirskogo obshchestva pomoshchi bol'nym i ranenym voynam i postradavshim ot voiny. Pervyi god. S 1-go oktyabrya 1914 g. po 1-e oktyabrya 1915 g. Pg.: Tipografiya «Viktoriya», 1916. S. 60-61.
15. Vestnik Prieniseiskogo kraia. Krasnoyarsk, 1915. № 1. S. 25.
16. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. F. 6787. Op. 1. D. 102.
17. Pavlova I. P. Ukaz. soch. S. 48.
18. Vestnik Prieniseiskogo kraia. Krasnoyarsk, 1915. № 3. S. 10.
19. GAKK. F. 595. Op. 13. D. 323. L. 10; 11; 15; 16; 32 ob.
20. GAKK. F. 132. Op. 1. D. 3. L. 82; 90; 104 ob.
21. Kattsina T. A. Pod devizom: «Vsya Sibir' idet!» (Sibirskoe obshchestvo pomoshchi bol'nym i ranenym voynam i postradavshim ot voennykh deistvii) // Sbornik tezisev Sibirskogo istoricheskogo foruma «Sibir' v voynakh nachala XX veka». Krasnoyarsk, 3–6 dekabrya 2013 g. Krasnoyarsk, 2013. S. 142.
22. Otchet o deyatel'nosti Sibirskogo obshchestva pomoshchi bol'nym i ranenym voynam i postradavshim ot voiny. Ukaz. soch. S. 57.
23. Podschitano po: Lichnyi sostav uchrezhdenii Vserossiiskogo Soyuza Gorodov. Vypusk II. Oblastnye i gorodskie komitety. M.: Gorodskaya tipografiya, 1916. S.33–36; 39.
24. Kattsina T. A. Obshchestvennaya initsiativa sibiryakov v gody Pervoi mirovoi voiny // Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta. Nauchno-teoreticheskii zhurnal. 2002. № 1 (27). S. 141.
25. Munitsipal'noe uchrezhdenie «Arkhiv gor. Achinska». F. 17. Op. 1. D. 3. L. 6.
26. Eniseiskie gubernskie vedomosti. 1915. 3 fevralya.
27. Vestnik Prieniseiskogo kraia. 1916. № 5–2. S. 26.
28. Vestnik Prieniseiskogo kraia. 1915. № 3. S. 7.

УДК 94«1914/1918» (292.5)

Сибиряки в добровольных ассоциациях, вызванных потребностями Первой мировой войны

Татьяна Анатольевна Катцина

Сибирский федеральный университет, Российская Федерация
6660075, г. Красноярск, ул. Маерчака, 6
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: katsina@list.ru

Аннотация. В статье на основании малоизвестных источников и ранее неизвестных архивных документов исследуется влияние Первой мировой войны на развитие общественной инициативы в Сибири. Формулируется вывод о том, что в военный период уровень и характер вовлечения населения в работу благотворительных обществ претерпел положительные количественные и качественные изменения. Число и активность добровольных общественных ассоциаций рассматриваются как качественный показатель гражданского общества.

Ключевые слова: Сибирь; Первая мировая война; нуждающиеся; жертвы войны; добровольные общественные ассоциации; общественные организации; человеческий ресурс; гражданское общество.